

День прощания с Антоном Петровичем выдался как на заказ. На голубом небе прогуливается пара облаков, а солнце своими лучами провожает сосредоточенные фигуры, идущие в полдень по извилистой дорожке к моргу на холме. Уже на повороте сквозь кроны деревьев, растущих вдоль дороги, Ольга Ивановна видит его белые стены. Небольшой стайкой она идёт вместе с соседями: женщины в чёрных юбках, мужчины в костюмах. Всем жарко от этого солнца, что светит им в спины. Проклятая жара, именно сегодня надо так припекать. Иной раз сидела бы себе на лавочке и грелась бы как кошка, солнечные лучи бы щекотали ей веки, потом бы перед глазами появлялись такие мерцающие блики и чуть осоловелая она бы переместилась в тенёк, открыла бы книгу и читала.

– Внутри будет точно поприятнее, – Ирина Николаевна головой кивнёт в сторону морга, словно читает её мысли. Она подстраивается под шаг Ольги Ивановны. – От смерти Петровича не спится мне. Лягу в постель, а уснуть не могу. Смотрю в стенку, к звукам в доме прислушиваюсь, а как только начну засыпать, так какой-нибудь шорох меня разбудит.

– А полиция уже знает, как это произошло?

– Милая моя, вот этого я знать не знаю! С того времени так в доме и не появлялись. Записать себе там что-то и исчезнуть – это они могут. Ни черта они не знают, – брюзжит себе под нос Ирина Николаевна, а Ольга Ивановна лишь согласно качает головой. – Ни в чём не разобрались, только беднягу с земли подобрали, – на её лбу сверкающими жемчужинами выступают капельки пота, – а ко мне вот, например, даже никто и не пришёл, а я-то ведь как никак дворник. Ну вот скажи ты мне, Оль, кто ещё-то может лучше знать, что в доме творится, если не я? Я ведь там каждую ступеньку знаю, с каждым парой слов перекинусь.

«Вот-вот», – про себя думает Ольга Ивановна. Если бы дворничиха не была такой завзятой сплетницей, может и поделилась бы она с ней своими новыми мыслями, но сказать что-то Николаевне – это то же самое, что объявить об этом по радио. А ей сейчас ни в коем случае нельзя спугнуть Михалыча. Нет уж, подождёт его в траурном зале и осторожно отведёт в сторонку, чтобы никто и не заметил, что она с ним разговаривает.

– А всё-таки молодец Серёжа, что лично нас пришёл позвать, да ведь, Оль?

– Он и у тебя был? – поднимет брови Ольга Ивановна.

– Конечно, был. А кто, думаешь, его отца каждый раз предупреждал, когда у него электричество хотели выключить?

– Ты...

– Я и шторы ему иногда стирала, – хвастается Ирина Николаевна, будто и мир во всём мире – её заслуга.

– Ну ты молодец.

Здание морга предстанет перед ними во всей своей угрюмости. Обычно полное тишины, сегодня оно пронизано разговорами пришедших. У входа стоит Сергей в своём вчерашнем костюме и приветствует каждого, кто пришёл выразить соболезнование. Ирина Николаевна спешит его обнять и проронить несколько слёз на его чёрный пиджак. Она сморкается в платок, которым только что стирала пот со лба.

Ольга Ивановна лишь поприветствует сына покойного Петровича, быстро пожмёт его руку, произнесёт пару слов соболезнования и по коридору направится к группе в траурный зал. Она почувствует типичный запах морга, по полу блуждают лучи солнца, проникающие в помещение через окна. Уже издалека она видит на катафалке гроб с Петровичем, над которым склонилось несколько соседак, оплакивающих покойного. Ольга Ивановна смотрит на две свои розы, повядшие по дороге. Она безуспешно пытается их выпрямить – цветок с альми лепестками всякий раз потупит взор, будто бы не хотел смотреть на всё происходящее. Ольга Ивановна ещё какое-то время не сдаётся: она не может признаться сама себе, что ей не хочется идти к гробу. Как может выглядеть человек после того, как выпал с третьего этажа? Судя по стенаниям, которые как раз издаёт Ирина Николаевна, видимо, ужасно.

* * *

– Милая моя, да это ведь всегда так! – успокаивает Ольгу Ивановну Маша-торговка. – Не из приятных зрелище.

Ольга Ивановна, всё ещё в чёрном платье, сидит в Машинной палатке. Похороны закончились три часа назад. Торговка вытащит из-под прилавка бутылку водки и наполнит обеим рюмки:

– Держи вот, чтоб в себя хоть чуть-чуть пришла, для успокоения.

– Если б ты его только видела! Был весь синий, и нос как-то налево повёрнут, – на себе показывает Ольга Ивановна: рукой прижмёт нос к лицу, один глаз сощурит в щелку. Эта картина до сих пор стоит у неё перед глазами: скорей-скорей положила розы на сложенные на груди руки и только её там и видели.

– Ну хороша, – икнёт торговка и нальёт следующую. – Между первой и второй перерывчик небольшой.

– Что обо мне теперь Сергей подумает...

– Ну а что ему думать? Что ты нормальный человек. В отличие от Николаевны...

– Ну эта опять проявилась во всей своей красе, – улыбнётся Ольга Ивановна, – приклеилась ко мне по дороге. Спать, видите ли, не может, охи-вздохи...

Женщины обменяются усмешками.

– А Михалыч?

– Представляешь, не пришёл. Даже не показался, – Ольга Ивановна на минутку смолкнет: сказать ей об этом? А вдруг она ошиблась и оговорит Михалыча ни за что ни про что?

Из-за овощных пирамид высовывается маленькое сияющее лицо. Едва дотянется до прилавка, тыкает пальцем в рябые картофелины и смеётся.

– Миша, ты что здесь делаешь? Я тебе разве не говорила, чтоб ты дома меня ждал? – торговка спрыгнет с табурета и обойдёт прилавок, чтобы поймать сына.

– Ты уроки сделал?

Мальчишка извивается в маминых объятьях и неохотно кивает головой. Глазами рыскает по палатке и ищет, куда бы ему спрятаться. Вдруг увидит пустые рюмки из-под водки и засунет в одну из них палец.

– Мам, а это у тебя что такое?

– Это тётينو. От давления... Не для тебя, – она легонько шлёпнет его по руке. – Но если ты уроки не сделал, то смотри у меня. О чём это мы говорили, Оля? Наказание, а не мальчишка!

– Да так, – лишь выдаст Ольга Ивановна: все её прошлые предположения будто рухнули под стол вместе с повядшими листьями и отсохшими картофельными глазками. – Михалыч скорее всего о похоронах и не знал. Сергей говорил, что не нашёл его, а как бы он иначе узнал об этом, если не от него. Уж и не помню, когда он у нас в доме в последний раз появлялся.

– Странно это, где он может быть? Семьи-то у него нет.

Маленький Миша сидит на корточках и палкой выписывает на земле буквы.

– Мам, а что, дядя Боря к нам больше не придёт?

- Не знаю, Миша, мы с тётёй его уже давно не видели.
- А я видел, только не помню, когда это было, – он уткнёт подбородок между коленями и продолжает что-то царапать.
- Это был дядя Антон, Миша. Он ведь у нас картошку покупал.
- Неа, неправда, я их вместе видел. А вот павлина нет... – пробормочет.
- Какого такого павлина, Миша? Что за чепуху ты несёшь?
- Я их вдвоём в подвале видел, – повернётся он к Ольге Ивановне, раз мама ему не верит.
- Серьёзно?
- Он нагнётся к тётё и шепчет ей на ухо так, чтобы мама не слышала.
- Ага, они вдвоём у нас в подвале были. Когда темно было.
- А что они там делали, Миша? Дядя Антон наверное там газеты искал, да ведь?
- Миша покрутит головой и несколько раз взмахнёт палкой:
- У них там был белый павлин. Только я его не нашёл.
- Ольга Ивановна улыбнётся и погладит мальчика по волосам.
- А ты бы хотел павлина, Миша?
- Господи, а почему белого-то? Собаки тебе мало, что ли? – недоумевает Маша.
- Да я его просто видеть хотел! Они говорили, что прячут его там, – он топнет ногой, настаивая на своём. – А если они его ото всех прячут, то он точно какой-то необычный должен быть.
- Вдруг Ольге Ивановне начинает казаться, что он ничего не придумывает.
- А что они ещё говорили, Миша? Может, вспомнишь, тогда вдруг у нас с мамой получится его найти, а он тебе павлина покажет, – ещё раз закидывает она удочку.

Миша однако лишь грустно завертит головой и отшвырнёт от себя палку, всю замазанную в грязи.

– Больше ничего... только про павлина этого... Тётя, ты ведь его приведёшь? – он смотрит на неё загоревшимися глазами.

* * *

– Ирина, ты дома? – Ольга Ивановна барабанит в дверь старой дворничихи. Уж не шла ли сплетничать? Этого сейчас только не хватало. Таинственный Мишин павлин не выходит у неё из головы, а вдруг что-то в этом есть? Мальчик, правда, немного взбалмошный, но толковый, хоть и ругает его торговка частенько. Что бы это ни было, Ольга Ивановна должна узнать, что делали Петрович с Михалычем в подвале. Где ж её черти-то носят?? Она снова стучит кулаком в дверь. Звонка-то у неё почему нет?

Наконец с той стороны что-то загремит, дверная ручка опустится, и Ирина Николаевна высунется в образовавшуюся щель.

– Аа, это ты... – она с облегчением вздохнёт. – Я тут на минутку уснула. Проходи...

– Ты меня извини, что я тебя разбудила, Ирина. Может, мне в другой раз зайти?

– Да ладно уж, – как-то неубедительно отвечает Николаевна. Не обращая на это внимания, Ольга Ивановна прошмыгинёт в квартиру. – Эти похороны у меня все силы высосали, я свалилась на постель как убитая, даже прибраться сил не было. Ты садись, а на посуду не обращай внимания...

Просто дать ей выговориться...